

Александр АХИЕЗЕР

Российский либерализм перед лицом кризиса

Развитие либерализма в России и на Западе происходило в существенно разных условиях. История либерализма на Западе насчитывает уже не один век, он не только получил там достаточно зрелую теоретическую форму, но и давно превратился в реальность гражданского общества, правового государства. Либерализм не сводится к определенному нравственному, политическому движению, но может быть понят как особый тип цивилизации, противостоящий традиционной. В России же либерализм всегда развивался под влиянием высших достижений западных либеральных идей и оставался оппозиционным движением, направленным против господствующих ценностей общества, за переход страны к либеральной цивилизации.

В своем анализе современного состояния либерализма в России я исхожу из того, что российское общество — это общество промежуточной цивилизации. Оно вышло за рамки традиционности, но так пока и не смогло перешагнуть границы либеральной цивилизации¹. Такая ситуация делает положение либерализма в России двусмысленным и противоречивым. Это было характерно для российского либерализма в прошлом, характерно и для дня сегодняшнего. Но прежде чем приступить к анализу современного положения либерализма в России, хотелось бы сделать несколько замечаний общетеоретического и исторического плана.

Раскол общества и муки либерализма

Двусмысленность положения либерализма в России (и раньше, и теперь) заключается прежде всего в том, что он выступает как *некоторая форма активности духовной элиты* в частности воплощаясь в идеях и текстах теоретиков. Вокруг этих людей всегда концентрировался некоторый около-элитный слой, тяготеющий к либерализму. В свою очередь, его окружал относительно широкий круг интеллигенции, который исторически в основной своей части занимал противоречивую позицию: с одной стороны, между властью и народом, а с другой — между духовной элитой, включающей либеральный элемент, и народом. В последнем случае интеллигенция занималась тем, что переводила почвенные, крестьянские, в основном архаичные идеи и ценности на тот язык, который она получила вместе с весьма ограниченным образованием. Это образование при всей его поверхностности и внутренней противоречивости включало некоторые элементы либе-

¹ См. об этом подробнее Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. I—III. М., 1991. Проблемам методологии этой работы и вопросам будущего развития России был посвящен «круглый стол» с тем же названием (см. «Общественные науки и современность», 1992, №№ 5—6).— *Ред.*

Ахизер А. С. кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института проблем занятости пш министерства труда и занятости Российской Федерации и РАН. Специалист в области философских проблем изучения общественных процессов.

реализма, хотя и в значительной степени вырванные из контекста либеральной культуры.

Мышление российской интеллигенции исторически было пронизано *утилитаризмом*, т. е. включало превращение любой идеи, мысли, любого элемента культуры, нравственного принципа в средство для достижения заранее поставленной цели. Этот подход прежде всего означал, что любой элемент западной культуры рассматривался не как самоценность или как элемент личностного саморазвития человека, но как средство достижения определенно понимаемого блага народа. Эти цели нельзя признать либеральными, так как они, по сути, направлены скорее на восстановление догосударственного (или с крайне слабой государственностью) крестьянского социализма, склонного превращать страну в конгломерат замкнутых, основанных на натуральном хозяйстве общин. В нем личность оказывается растворенной в соборном «Мы», которое привержено архаичным ценностям и тесно связано с господством натурального хозяйства, власти царя-тотема, призванного «всех равнять». Все это довольно далеко от либерализма, хотя и содержит в себе некоторый его элемент. Идея либерализма на российской почве превращалась в чистое средство, лишенное своей самоценности, из него выхолащивалась сердцевина: нравственное содержание, философия либеральной цивилизации. Каждый элемент либерализма вырывался из либерального контекста, рассматривался в совершенно иной культурной ситуации. Распространение получал, так сказать, «усеченный либерализм».

Итак, либерализм в истории России выступал по крайней мере в двух формах: как деятельность духовной элиты, пытающейся вырабатывать и защищать либерализм на уровне общих идей, теорий, и как растворенный в интеллигентском сознании некий либеральный элемент. Последний превращался в содержание культуры различных политических и социальных групп, а также нес в себе веру в науку и технику широких слоев народа. Тем самым либерализм, несмотря на слабость своей непосредственной почвенной базы, с определенного момента оказался постоянным участником русской истории.

Как и прежде специфика общества в России, если попытаться выразить ее в самой краткой форме, заключается в существовании *раскола* — особого состояния, характеризующегося острым застойным противоречием между культурой общества и социальными отношениями, разрывом коммуникаций внутри общества как целого. Этот разрыв — не механическое нарушение, а некоторый смысловой порог, переходя через который все значимые смыслы существенно изменяют свое содержание, вплоть до превращения в свою противоположность, включая коренное изменение ценностей того или иного явления. Так, модернизаторские акции правящей элиты, которые ею рассматриваются как высшая ценность, как цель общества, рабочими или крестьянами могут восприниматься как имеющие отрицательную ценность, как воплощение зла. Поэтому давление власти, отстаивающей процессы модернизации, может привести к вспышке антимодернизаторской активности «низов». Например, попытка в рамках той или иной реформы подвинуть традиционалистски настроенную часть общества к прогрессивным формам труда, к организации более высокого типа способна вызывать нарастающий протест. Она может не только сокрушить основы предлагаемой реформы, но уничтожить даже те достижения, те накопления нового, которые имели место еще до ее начала.

Иначе говоря, в условиях раскола активизация ценностей на одном полюсе общества вызывает активизацию противоположных ценностей на другом полюсе, и наоборот. Это означает, что существует своеобразная *машина саморазрушения*, несущая в себе опасность катастрофической дезорганизации общества и государства. Данное, не известное в устоявшихся либеральных культурах, явление ставит перед российским обществом слож-

ные проблемы, которые накладывают свой отпечаток и на судьбу отечественного либерализма.

Некоторая странность ситуации, сложившаяся в России в результате раскола, заключается в *диффузности распространения либерализма*, в его проникновении в разные, прямо противоположные политические течения. Всеобщность усеченного либерализма, его способность окрашивать в свои цвета различные (включая противоположные) политические течения, объясняется тем, что именно либерализм неотделим в тех или иных формах от современных научно-технических средств, потребность в которых хотя и медленно, но растет во всех слоях общества. Эта диффузность либерализма способствует созданию некоторой общей основы для глубоко расколотых, даже противоположных представлений, для формирования *гибридных идеалов*². В этой ситуации отечественные политические партии всегда находятся в трудной ситуации. Любая из них вольно или невольно пытается сочетать элементы либерализма с одновременным включением в сферу своего влияния массовых настроений, т. е. сделать, по сути, то, к чему стремились народники, — нравственно отождествиться с «народом», в конечном итоге с массовыми нелиберальными и долиберальными силами.

Несмотря на опасность взрыва, которую несет в расколоте общества гибридный идеал, каждая партия, политическая группа для достижения своих целей постоянно пытается усилить собственные позиции в обществе, вовлечь в сферу своего влияния усеченный либерализм, традиционализм, утилитаризм. Все партии можно поделить по принципу преобладающего тяготения к одной из трех присутствующих в российском обществе нравственно-культурных ипостасей. Однако их различия маскируются тем, что все они, выходя на уровень общегосударственной политической борьбы, выражают себя, хотя и в разной степени, на языке либерализма. Поэтому и создается возможность для коммуникаций различных тенденций, некоторый общий культурный языковой фон политической жизни. Это порождает картину (по сути, иллюзорную) общего либерального характера политической жизни в стране. В действительности же в реальной сложной ситуации каждое политическое действие, например попытка создать партию, несет в себе внутренний конфликт между тремя упомянутыми ипостасями (усеченным либерализмом, традиционализмом и утилитаризмом).

Для руководства всех партий характерно стремление преодолеть противоречия между данными элементами. Однако движения, тяготеющие к либерализму, постоянно сталкиваются с конфликтами между

2 Гибридный идеал — результат стремления расколотых частей общества не довести раскол до его логически возможной крайней формы, сохранить интеграцию общества. Специфика гибридного идеала заключается в попытке рассмотреть в качестве тождественных принципиально различные смыслы, различные как по содержанию, по своей культурной традиции, так и по форме. Он как бы действует в направлении, противоположном расколу. Если последний разрывает смыслы, то гибридный идеал пытается отождествлять различные, даже, по сути, противоположные смыслы. Гибридность позволяет отождествлять различные пласты культуры, связанные с разными слоями, с разными цивилизациями, объединять (по возможности) группы, субкультуры, связанные с различными эпохами, например пласты культуры, основанные на мифологическом мышлении, и пласты культуры, основанные на понятийном мышлении. Тем самым общество стимулируется (разумеется, в известных пределах) к игнорированию, маскировке раскола, того факта, что различные социальные группы имеют различные, даже противоположные ценности. Гибридный идеал дает возможность сакральной власти изменять интерпретацию добра и зла и тем самым в определенных рамках манипулировать массовым поведением. Большевики за время своего управления страной превратили подобные подмены в целое искусство. Массовое осознание тайны этой гибридности происходит с помощью той же интеллигенции, разоблачающей своих противников, прежде всего власть, что открывает путь дезинтеграции, возможности прямой конфронтации. Опасность распада гибридного идеала постоянно существует в политических течениях, берущих в качестве своих предпосылок, по сути, противостоящие друг другу элементы либерализма и традиционализма.

попытками стимулировать правовое государство, создать и укрепить государственность, стать на путь решения общегосударственных задач и т. д., с одной стороны, и массовым традиционализмом, который на современном этапе тяготеет к локализму, — с другой. Поэтому политической жизни России присуща важная специфическая черта: *противоречия внутри партий, т. е. между руководством и теми слоями населения, которые с точки зрения этой партии могли бы составлять ее социальную базу, острее, чем противоречия между различными партиями.* Отсюда — слабое влияние партий в обществе, их неустойчивость, стремление к слияниям и расколам, несоответствие программ и реальных обращений лидеров к народу и т. д. Это накладывает отпечаток уникальности на российскую политическую жизнь.

Либерализм и народная почва

Для российских либералов установление связи с народной почвой, ее поиск оказались сложной, в некотором смысле неразрешимой проблемой. Либералы всегда нуждались в массовом тяготении к социально-экономическому и культурному развитию, в массовой хозяйственной инициативе, в растущей ценности личности. Вся история российского либерализма полна попыток практического решения этой проблемы главным образом посредством проведения реформ. В истории страны были моменты, когда либералы могли оказывать достаточно сильное влияние на правящую элиту и на каком-то отрезке времени определять внутреннюю политику страны. Смысл проводимых в таких условиях реформ в наиболее общем виде заключался и заключается в попытках *дать импульс обществу для его движения из промежуточного состояния к либеральной цивилизации, в конечном итоге превратить Россию в либеральную страну с массовой либеральной почвой.*

Либерализм в России с самого начала противопоставил себя традиционализму, по крайней мере теоретически. Например, Б. Чичерин стремился в исторически сложившихся методах принятия значимых решений сменить практику перехода от одной крайности к другой спокойным всесторонним развитием. В этой связи интересны идеи Н. Мордвинова, еще в начале XIX века провозглашавшего постепенность развития, делавшего ставку на частный интерес, т. е. в конечном итоге на личность.

Однако реальный российский либерализм как фактор социально-политического развития пошел другим путем. В минуты кризиса он становился элементом государственной политики. Либералы (по крайней мере их часть) шли на службу к власти, надеясь, что соединение правящей и духовной элит как раз и является залогом либерального развития России. Одной из важнейших вершин этой политики стали реформы Александра II, когда на какое-то время вся либеральная Россия объединилась вокруг власти. Но этот союз не оценил всю глубину и значимость для общества, для судьбы реформы расхождений между ценностями крестьянства, составлявшего в то время подавляющее большинство населения, и центральной власти, принявшей в той или иной форме либеральные ценности. Оказалось невозможным наладить коммуникации либеральной власти и крестьянства даже в процессе подготовки реформы, а тем более в процессе ее воплощения. Обращение к крестьянам на либеральном языке свободы и прогресса в лучшем случае расценивалось крестьянами как санкция дозволенности роста утилитарных требований, как призыв к «воле», которая «есть прежде всего возможность жить или пожить по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами»³. Казалось бы, вполне очевидное на либеральном языке

³ Федоров Г. П. Россия и свобода. «Знамя», 1989, № 12, с. 204.

ке понятие «земля» рассматривалось крестьянами как синоним правды и и.д. Каждое слово реформы 1861 года скрывало раскол, пропасть взаимного непонимания. Либеральные реформаторы следовали либеральным представлениям о росте и значимости личности в обществе, ориентировались на ценности развитого утилитаризма как формы осознания связи личных усилий и личных благ. Крестьяне же стремились замкнуться в своих локальных мирах, ориентировались на господство натуральных отношений. Здесь столкнулись два типа ценностей, два типа цивилизаций, два типа социокультурного воспроизводства.

Попыткой установить в России господство либерализма фактически был манифест 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка». Однако широкие массы не восприняли его как призыв к диалогу. Они реагировали на манифест как на очередные козни властей. Например, крестьяне рассматривали манифест как санкцию в их борьбе с помещиками. В Самарской губернии крестьянин Шаров так разъяснял односельчанам суть манифеста: «Теперь свободно, айдате, ребята, валите теперь к помещикам и разграбляйте их добро — за это теперь ничего не будет»⁴.

В феврале 1917 года власть перешла к либералам в результате полного внутреннего краха старого порядка. Движущей силой переворота была *инверсия* — в данном случае противоположность крайним формам авторитаризма, торжество идеала, связанного с *локализмом*, с максимальной организационной атомизацией общества на основе натуральных отношений, автаркии⁵.

Стремясь к гражданскому обществу, к правовому государству, правительство пыталось, в частности, отказаться от всякого вмешательства в хозяйственную деятельность. Большинство же видело выход из кризиса в обществе в усилении монополии власти на распределение ресурсов. Под давлением снизу либеральное правительство ввело государственную монополию на хлеб, кожу, донецкий уголь, сахар. Было принято решение о введении монополии на спички, махорку, кофе. Начался процесс принудительного синдицирования промышленности и трестирования во всех отраслях. Казна оказывала финансовую помощь крупному производству. Среди самих предпринимателей раздавались требования введения государственных заказов и закупок сельскохозяйственных машин и орудий. Всероссийское совещание Советов рекомендовало правительству планомерно регулировать всю хозяйственную жизнь страны, что соответствовало требованиям рабочих. Одновременно крестьянство «согласилось на хлебную монополию, требуя введения монополии на промышленные товары массового потребления»⁶. Все это свидетельствовало о существовании массовой базы для восстановления хозяйственной монополии государства.

В. Ленин, выступавший в то время с предложением об объединении всех банков, о государственном контроле над их операциями, о национализации, принудительном синдицировании, двигался в том же русле. В стране существовали мощные социальные силы, склонные отвечать на любое ухудшение ситуации стремлением подавить частный интерес и частную инициативу, восстановить утраченную монополию государства на хозяйственную дея-

⁴ «1905 год в Самарском крае». Самара, 1925, с. 401.

⁵ Локализм отличается от децентрализации и не имеет ничего общего с демократией, так как основан на организационной дезинтеграции без соответствующей компенсирующей культурной интеграции. Это приводит к распаду, дезорганизации общества, росту конфликтов между распадающимися сообществами. Рост локализма проявляется, например, в стремлении крестьянских сообществ строить свои отношения на основе максимальной автаркии натуральных отношений дорыночного типа. Другой стороной этого процесса является рост авторитарных институтов, заботящихся о соблюдении уравнительности между этими сообществами, а также уравнилельно распределяющих дефицитные ресурсы между ними, между отдельными людьми.

⁶ В о л о б у е в П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962, с. 446.

тельности, подавить рынок и, соответственно, усилить механизм прямого распределения ресурсов.

Либеральное Временное правительство не имело реальной среды для проведения либеральной политики и сползло к традиционализму. Абсурдность ситуации, в которую оно попало, состояла в том, что власть обращалась с либеральными идеалами к обществу, где преобладало массовое стремление к уравнительности, к натуральному хозяйству. Либеральная власть встречала возрастающую враждебность и массовое неповиновение. Выявилось, что господствующий в обществе идеал в действительности был прикрытием для традиционалистского идеала, его соборно-локалистской версии. Именно либералы представляли перед народом как его главный враг.

Пришедший к власти либерализм не только попал под давление массовой политической враждебности. Чуждой ему оказалась и вся хозяйственная социокультурная реальность: массовое стремление, с одной стороны, к локализму, а с другой — к монополии на ресурсы. Это прямой дорогой вело к господству не либерализма, а авторитаризма на традиционалистской основе.

Следовательно, бытие либерализма в этот период пребывало в гигантском диапазоне между эйфорией, опирающейся на веру в естественность, самоочевидность своих идеалов, в то, что освобожденный народ неизбежно станет на путь либерального развития (хотя практически сдобренного значительной порцией социализма), и катастрофической враждебностью массовых сил, тяготеющих к уравнительности. Чем все это завершилось, достаточно хорошо известно.

Новый кризис либерализма

Политическая жизнь в России, в своей сути, поляризуется не столько в соответствии с полюсами: либерализм — антилиберализм (или демократия — реакция), но прежде всего как оппозиция, выросшая из распавшегося вечевого идеала, т. е. *соборность — авторитаризм*⁷. Сочетание этих двух оппозиций приводит к формированию гибридного соборно-либерального идеала. В нем лексика берется из второй оппозиции, тогда как определяющие массовые процессы протекают в основном в соответствии с первой.

Сегодня формирование господствующего в обществе идеала связано с тем, что массовая деятельность, движение рабочих, крестьян, жителей городов и деревень определяются прежде всего *локальными ценностями*. Но выходя на общегосударственный уровень, например выступая против высшей власти, лидеры неизбежно начинают прибегать к либеральным лексике, терминологии, лозунгам. Именно используя либеральный язык, можно выйти за рамки своего «огорода» и приобщиться к проблемам целого. Это открывает возможность *защищать новыми словами не только новые, но и старые ценности*. Например, борясь за демократию, фактически защищать локализм, борясь за свободу, защищать «волю», борясь за гласность, утверждать свой личный монолог как единственный голос правды и т. д.

Политические либеральные движения в связи с этим требуют сложного двухступенчатого анализа. Гибридность господствующего идеала, слитность либерализма с разновидностями вечевого идеала означают, что словесное обличие либерализма маскирует сложные процессы традиционн-

⁷ Догосударственный синкретический вечевого идеала распался в процессе перехода к государственности на два идеала: 1) соборный, порождающий локализм идеал, идущий от господства «Мы» над «Я», от системы управления, где значимые решения принимаются «сдумавши» собранием глав сообществ низшего уровня, например глав крестьянских дворов на сельском миру; 2) авторитарный идеал, идущий от господства главы патриархальной семьи над всеми ее членами. Авторитаризм в своих крайних формах может превращаться в тоталитаризм. Оба идеала, сменяя друг друга, служили основой для формирования государства, большого общества в России.

го типа, процессы, связанные с расколом общества между двумя ведущими цивилизациями. Проблема заключается в том, что эти глубинные социокультурные процессы не находят своего адекватного анализа в теориях, которые развивают и которым следуют российские либералы.

Эта внутренняя противоречивость либерализма осложняется тем, что не улавливаемые либералами значимые процессы не только изменяются, но все более усложняются. Современный этап нарастания локализма существенно отличен от аналогичного процесса, имевшего место на этапе правления либералов в 1917 году. Если тогда в нем преобладали процессы атомизации в деревне, приведшие к распаду связи города и деревни, то теперь в связи с существенным усложнением народного хозяйства преобладающей формой локализма являются сдвиги в господствующей у нас в хозяйстве, в обществе в целом системе *монополии на дефицит*.

Монополия на дефицит возникает в результате раскола, несоответствия между стимулируемым утилитаризмом ростом потребности в потреблении, прежде всего материальных вещей, с одной стороны, и отставанием потребности в соответствующих видах труда, общественного воспроизводства — с другой. Это превращает каждое сообщество, которое производит, хранит, распределяет, перераспределяет необходимые для массового потребления вещи, в субъект монополии на дефицит. Таковым может быть высшая власть, стремящаяся стать единственным держателем дефицита. Подобная форма монополии на дефицит достигла своего высшего развития во времена сталинизма, когда высшая власть приблизилась к полному господству над всеми ресурсами в стране. Но возможно господство монополии на дефицит и на самом нижнем уровне, т. е. на уровне заводов, колхозов, учреждений торговли и т. п., либо на промежуточных уровнях, например в руках властей автономий, регионов, областей, ведомств, крупных объединений и т. д. Современная социокультурная динамика России приводит к смене господствующих форм монополии на дефицит. Сегодня страна переживает мощный рост локализма, т. е. *перемещения всех исторически сложившихся форм монополии на дефицит вниз, обескровливание высших и отчасти средних уровней*.

Система монополии на дефицит противостоит свободному рынку. Она основана на постоянном стремлении монополиста использовать собственный дефицит для получения другого дефицита, для подчинения окружающей среды, для проникновения в новые каналы циркуляции дефицита. Деньги в этой системе играют второстепенную роль, так как на первый план выходит острая потребность в конкретном продукте, а в обществе не обнаружилась достаточно масштабная способность превращать деньги в присутствующую капиталу систему всеобщей эквивалентности. Среди методов укрепления монополии на дефицит можно указать на такие, как затруднение доступа потребителя к дефициту, которое достигается волокитой, свертыванием производства дефицитного продукта, уменьшением разнообразия производимых вещей и т. д.

Монополия на дефицит — определяющий фактор формирования социальных отношений. Она стимулирует стремление любого сообщества (любого коллектива) сохранить место в системе циркуляции дефицита. Эта система противостоит рынку и потому, что для людей конкретные вещи приобретают гораздо большее значение, чем деньги, которые сами по себе в условиях господства монополии на дефицит доступа к дефициту не открывают.

Однако либерализм в России обладает удивительной особенностью — *смотреть на специфическую реальность нашей жизни, сформировавшейся на основе раскола, через призму культурного опыта, исторически сложившегося в иной социальной реальности*, где локализм и монополии на дефицит отсутствовали или не играли определяющей роли. Это обстоятель-

ство имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, в особенности в условиях формирования и реализации экономической реформы. Очевидно, что само содержание реформы зависит от оценки хозяйственной реальности.

Либеральные реформаторы исходят из того, что по природе своей рыночные экономические отношения универсальны, а в нашей стране они оказались подавленными в результате неблагоприятных исторических условий, антирыночной политики советской власти. Отсюда следует вывод: надо оживить ранее подавленные рыночные отношения, прежде всего путем отмены административно-распределительной системы, мешающей рынку. Эту концепцию можно условно назвать концепцией «подавленного рынка». Важный ее недостаток — игнорирование постоянных колебаний общества между локализмом и авторитаризмом, господства системы монополии на дефицит.

Локализм сегодня проявляется в том, что из-под власти государства, которое на протяжении значительной части своей истории занималось принудительным перераспределением ресурсов, воплощало в себе высшую власть монополии на дефицит в масштабе общества, вырвало контроль за ценами и заработной платой, у предприятий и регионов появились возможности распоряжаться своей продукцией и т. д. Но было бы ошибкой рассматривать все это как победу рынка. На самом деле победу одержали низшие и средние держатели дефицита.

Однако либерализм описывает эти процессы на неадекватном самой предметности языке рыночных отношений. Под его влиянием общество реагирует на архаичные процессы роста локализма через очки классического либерализма, выросшего на основе рыночных отношений, личной инициативы и т. д. В этой связи любопытно, что чем больше на этапе перестройки разрушались высшие держатели дефицита, тем более радикальными были выдвигаемые проекты реформ. Они приближались к идеалу полного отказа от вмешательства государства в хозяйственную деятельность. Тем самым фактически эти проекты (лишь по видимости радикальные) приспособлялись к разрушению высших держателей дефицита. Одновременно этот подход идеологически опирался на веру в то, что рядовые граждане стихийно и быстро, почти молниеносно организуют гигантский рынок со всеобщим участием. Это соответствовало теории «подавленного рынка».

В соответствии же с концепцией господства в обществе монополии на дефицит, следовало ожидать иной реакции, т. е. ускоренного перехода этой монополии вниз. Например, «либерализация цен», согласно первой концепции, должна была привести к массовому банкротству предприятий в результате того, что рост издержек делал производство во многих случаях нецелесообразным с экономической точки зрения.

Согласно второй концепции, значимость ценового аспекта процесса либерализации цен отступает на второй план, тогда как на первый выходит способность предприятий сохранять монополию на дефицит. Этот процесс непосредственно от цен не зависит, но в процессе ухудшения хозяйственной ситуации может при нарастании дефицита послужить фактором укрепления монополии. Реальное положение дел недвусмысленно свидетельствует в пользу второй точки зрения.

В соответствии с первой концепцией, общая «либерализация цен» в конечном итоге должна с определенного уровня стимулировать снижение цен, так как высокие цены должны усилить стремление у наиболее сильных и конкурентоспособных производителей к инвестициям в производство, наращиванию конкуренции, что и ведет к снижению цен. Согласно второму подходу, определяющим процессом должно быть закрепление монополии высоких цен при одновременном снижении производства, что и подтверждает

ют факты. Цены давно уже превысили прогнозируемый реформаторами уровень. И что же? «Посмотрите, как ведет себя большинство руководителей предприятий, — говорит министр экономики России А. Немцов. — Вместо того чтобы снижать, продавать активы, продавать запасы материалов (их особенно много у оборонных предприятий), они приходят ко мне и говорят: «Дайте заказы, дайте деньги»⁸. Но было бы странно, если бы они поступали иначе. В условиях господства монополии на дефицит смешно менять материалы, открывающие доступ к каналам дефицита, на деньги, которые сами по себе не открывают новых возможностей, и тем более снижать цены. Господство монополии на дефицит не несет в себе такой потребности.

Первая концепция исходит из того, что снятие преграды для торговли, упорядочения финансов открывает путь рынку, так как все начнут покупать и продавать и даже производить для того, чтобы продать. В соответствии со второй концепцией, держатели дефицита будут не столько стремиться к рынку, сколько искать прикрытия, «крышу», т. е. некоторую могущественную монополию, некоторого мощного держателя дефицита, который обеспечивал бы стабильный обмен дефицитом, осуществляя защиту в социальной среде. Только что цитированное высказывание министра экономики России ясно показывает, что именно эта тенденция является определяющей. Коренное различие между первой и второй концепциями заключается в том, что первая ожидает роста рынка из каждой клеточки общества, тогда как вторая предвидит в каждой клеточке рост монополии на дефицит. Последнее есть *адекватная форма поведения в условиях раскола между потребностями в росте потребления и отставанием потребности в соответствующих формах труда, воспроизводства*. Первая концепция не в состоянии объяснить борьбу между разными уровнями держателей дефицита, которая подчиняется определенным циклам. Для концепции же господства монополии на дефицит отнюдь не неожиданными были такие явления, как мощная натурализация, архаизация хозяйства, которую стыдливо называют бартером. Бартер естественно вытекает из господствующего стремления накапливать натуральные ресурсы для повышения потенциала монополизма даже ценой удушения общества. Академик С. Шаталин как-то то ли в шутку, то ли всерьез сказал, что цены будут зависеть от спроса, лишь если их увеличить в 1000 раз. В нашем обществе именно монополия, а не деньги — преобладающая ценность.

Само понятие «либерализация цен» в наших условиях носит гибридный, по сути, иллюзорный характер. К либерализму этот процесс не имеет отношения, так как освобождение цен фактически приводит не к рынку (хотя и способствует возникновению узкого элитарного рынка, связанного с оттеснением значительной массы потребителей от ранее сложившегося участия в получении своей доли дефицита), а лишь к сдвигам между разными группами монополий на дефицит. Здесь мы имеем типичный пример неадекватного использования либеральной лексики, который можно рассматривать как наказание либерализма за его абстрактность.

Список несоответствий реальностей жизни результатам ее рассмотрения как рыночного хозяйства (подавленного или развитого) можно продолжать бесконечно. Все это — свидетельство теоретической дезориентации либерализма, яркое проявление его кризиса. О непонимании ситуации реформаторами говорит следующее высказывание бывшего министра экономики России Е. Сабурова: «Сегодняшняя экономическая ситуация не то что аналогов, даже названия не имеет. Это «инфляционная дефляция» или «дефляционная инфляция» — в общем что-то совершенно невероятное»⁹. Да, невероятное, но с позиции рассмотрения отечественного хозяйства как

⁸ «Независимая газета», 9 апреля 1992.

⁹ «Независимая газета», 19 мая 1992.

рыночного. Но с точки зрения господства монополии на дефицит, расколотости общества накачка денег и состояние производства — процессы, мало связанные друг с другом. Накачка денег — результат мощного давления снизу на крайне слабую власть, которая пытается таким образом избежать роста социальной напряженности. Падение же производства — прежде всего результат слома монополии высшего держателя дефицита, который, оказывая постоянное административное давление на все локальные центры производства, пытался воплощать оправдывающую его существование принудительную циркуляцию ресурсов. Банкротство этой функции привело к исчезновению Центра и одновременно к предоставлению каждому держателю дефицита возможности укреплять свою монополию, что, как уже отмечалось, не только не требует расширения уже сложившегося производства, но вполне допускает его сокращение. Кроме того, нельзя не отметить, что для расколотого общества типичным является гибридное соединение противоположностей, некоторая дипластия того типа, на которую указал Сабуров. Это находит свое воплощение, например, в «хромающих» решениях, где каждое решение отменяется, зачеркивается последующим.

Все это позволяет думать, что либерализм, пытающийся сегодня осуществить экономическую реформу, исходит из принципиально ошибочной концепции, связанной с недостаточным проникновением в специфику расколотого российского общества. Реальная задача находится в иной плоскости.

Кризис либерализма лежит глубже, чем выбор той или иной теории. *Он распространяется на сам метод решения проблем.* Раскол привел к тому, что ведущей формой разрешения значимых для общества проблем является инверсия, т. е. принятие решения на основе быстрого перехода от одной крайности к противоположной, чтобы затем столь же быстро вернуться обратно. В этой связи попытка моментального перехода от натурального дорыночного хозяйства к развитому рынку является ярким проявлением инверсии, аналогичным, но противоположно направленным имевшему место в советский период запрету рынка. Реальная проблема развития рыночных отношений заключается не в бездумном рывке, а в установлении приемлемой для общества *меры рыночных отношений*, разработке программы изменения этой меры. Но чтобы решить ее, недостаточно отказаться от одностороннего макроподхода к хозяйственной жизни. Необходимы также углубление знаний о всей толще социокультурных процессов страны, о границах наших возможностей в определенный ограниченный конкретный промежуток времени, анализ реального потенциала либеральных реформ. Просчет в реализации реформ опасен тем, что он может вызвать массовое дискомфортное состояние как предпосылку обратной антирыночной инверсии.

Кризис современного российского либерализма может быть преодолен лишь если он поднимется над ограниченностью освоения реальности, если он окажется способным превратить раскол, формирование и распад гибридного идеала в свою собственную, подлежащую разрешению проблему, т. е. если он делает значимый шаг в преодолении абстрактности, выйдет на качественно новый уровень конкретности освоения социокультурной, политической реальности страны. В этой связи следует признать обнадеживающим развитие консервативного либерализма, для которого характерны стремление соединить либеральные ценности с массовыми почвенными процессами, поиск путей формирования массового почвенного либерализма.